

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

**Трагичность феномена любви в философско-эстетическом дискурсе: от
Аристотеля до Р. Барта**

Туренко Виталий Эдуардович

Аспирант

*НПУ имени М.П. Драгоманова, Институт философского образования и науки, Киев,
Украина*

E-mail: amo-ergo_sum@ukr.net

На первый взгляд, для обычного человека любовь не связана с трагедией, трагическим. Ведь в ней мы, в первую очередь, видим все прекрасное и радостное. Однако, в истории философской мысли по этому поводу прослеживается тенденция, которая фактически противоположна обыденному пониманию данного феномена. Ведь трагическое, по мнению российской исследовательницы Т. Любимовой, – это «философско-эстетическая категория, характеризующая губительные и невыносимые стороны жизни, нерешенные противоречия действительности... Столкновение между человеком и миром, личностью и обществом, героем и роком выражается в борьбе сильных страстей и больших характеров» [4].

Как мы знаем из истории человечества, выдающихся памятников классической литературы, любовь не может не создавать испытания и препятствия для любящих. Конечно, историй любви много и все они неповторимы и бесподобны, но очень редко можем встретить ту историю, в которой не было боли, страданий, слез и т.п. Д. де Ружмон прямо указывая на трагичность любви, говорит, что «любовь – это несчастье, страдания» [7].

Классическое же понимание трагического, по мнению Т. Любимовой, изображено в «Поэтике» Аристотеля, соответственно мы вначале и рассмотрим любовь в контексте данного произведения.

Трагедию в «Поэтике», Аристотель определял, как «подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, производимое речью, услащенной по-разному в различных ее частях, производимое в действии, а не в рассказе и совершающее посредством сострадания и страха очищение подобных страстей» [Poeth. 1449b 22-27].

Как мы видим из вышеизложенного определения, трагедия, по мнению античного философа, в первую очередь, имеет конечность. Трагичность любви, как считает О. Зубец, «находит также свое наиболее полное проявление в конечности: или умирает любовь, или умирает любящий. И то и другое – результат, порожденный из-за невозможности существовать, быть в мире людей и одновременно не быть среди них, ощутить восторг ценностной насыщенности жизни и – еще острее – своей оторванности от целей и интересов, от миропонимания и ориентаций окружающих. И конечность, и трагичность определяются противоречием сущности любви и господствующего способа существования ценностного сознания.» [3].

Также, мы можем видеть, трагичность в контексте любви связана с тем, что в ней присутствует непосредственно серьезность, важность. Любовь вряд ли назовешь комедией, любовь далека от шуток и сарказма, но близка и к радости. Ведь недаром Платон в одном из своих диалогов подчеркивает, что «признаться в любви – непростое дело»

[Alcib. I 104e]. Любить – значит осознавать, что живешь не только для себя, но и для Другого; судьбу свою, грусть, радости, тревоги и мечты соотносить с судьбой любимой нами личности. Серьезность в любви так же важна, как терпение и прощение. Без серьезности и уважения чувство любви может превратиться просто в влюбленность, флирт, адюльтер, всего лишь в мимолетное увлечение.

Сочувствие и страх, о котором пишет Аристотель в данном определении трагичности, касается и любви. Сострадание, сочувствие, сопереживание являются неотъемлемыми атрибутами любви. Если их нет – то и нельзя назвать, то чувство, что испытывает человек, любовью. В контексте этой проблемы, русский мыслитель В. Розанов отмечает, что «кто не болеет о другом, тот не любит» [6], а немецкий философ П. Тиллих пишет: «в любви есть страдательная сторона, то есть состояние бытия, ведет к бесконечному» [8]. Сочувствие является одним из тех фундаментальных атрибутов любви, который прямо позволяет действительно бороться со своим «эго» и видеть главным образом любимую личность – неповторимое «Ты», для того чтобы последняя ни в чем не нуждалась, ни о чем по возможности не беспокоилась и не тревожилась.

Страх же, который присутствует в трагедии, присутствует и в любви. Но это особый страх. В настоящей любви нет страха, что кто-то из любящей пары изменит – полюбит другого человека, и не страх даже о том, что любимая личность умрет... Нет, ведь «крепка любовь как смерть» (Песнь Песней 8, 6). В любви есть только страх о том, чтобы не причинить боль и страдания тому, кого мы любим. Ведь недаром украинский философ В. Малахов говорит про «уязвимость любви». Мыслитель под данным понятием понимает именно «уязвимость любящего страданиями, конечностью, самой онтологической необеспеченности, любимого нами существа. Любовь хрупкая, и любящие чаще страдают от жесткости своих любимых. В сердце любящего любое страдание, всякая незащищенность предмета его любви отзывается с удесятенной силой» [5].

Также понять то, насколько любовь трагическая по природе, нам может помочь Ф. Шиллер и его труд «О трагическом искусстве». Именно в нем он говорит, что в основе трагических эмоций лежат следующие условия:

1) Во первых, предмет нашего сострадания должен быть родственен нам в полном смысле этого слова, а действие, которое должно вызвать сочувствие – моральным, то есть свободным.

2) Во-вторых, страдания его источники и степени должны быть полностью сообщены нам в виде ряда связанных между собой событий.

3) В-третьих, оно должно быть чувственно воспроизведено, не описано в рассказе, но непосредственно представлено нам в виде действия» [9].

Все это можно объединить с тем, что Аристотель называл «ходом событий». Зрелище или как называет это еще Стагирит «ход действий (событий)» в трагедии развивается в ходе коллизии побега от несчастья и обретения счастья [Poeth. 1450a 15]. В любви каждый из нас тоже чаще всего ищет именно всего самого светлого и доброго, счастья, и мы стремимся, чтобы сложилась и была счастливой наша личная жизнь, близких, друзей. Однако, не всегда это происходит; не всегда любовь и счастье «подруги и сестры» в судьбах людей, и действительно как подчеркивает современный русский мыслитель М. Эпштейн «трагичность, опасность в любви заключается следующим образом: все мы разные, и любовь возвращается к нам то одной, то другой стороной» [10]. Это связано главным образом с тем, что любовь и счастье нельзя отождествлять,

любовь «не знает» счастье и несчастье, она вне их власти и места жительства, она – выше их обоих.

Вот этот «ход действий», констатируемый Аристотелем, можно сказать и как о состоянии неопределенности у любящих, они находятся всегда между благополучием и разорением, «между штилем и бурей». Можно согласиться с мнением известного болгарского амуролога К. Василева, который считает, что «при отсутствии в любовной ситуации препятствий (опасностей - В.Т.), создающих определенную противодействующую силу, их следует нарочно придумать. Таким образом, естественное напряжение воли придает большую ценность (значимость) чувствам, ускоряет их внутреннюю пульсацию, оставляет более глубокие следы (воспоминания) в сознании любящих» [2].

Трагичность любви также связана с тем, что в рамках ее дискурса видное место занимают слезы. Так Р. Барт в знаменитых «Фрагментах дискурса влюбленного» отмечает, что «Плача, я хочу кого-то впечатлить, оказать на него давление ("Смотри, что ты со мною делаешь"). Может быть так, — и обычно так и есть, — что этим способом принуждается открыто принять на себя сострадание или бесчувственность другой; но могу это быть, и я сам: я довожу себя до слез, чтобы доказать себе, что боль моя не иллюзорна; слезы — это знаки, а не выражения, Своими слезами я рассказываю историю... "Что такое слова? Куда больше скажет слеза» [1].

Слезы, как отмечают теоретики романтической любви (Р. Джонсон, Д. де Ружмон), является непременным атрибутом данной культуры любви. Если мы не плачем в любви, то соответственно не имеем истории любви. Примечательно, что в любви слезы бывают не только от печали, от потери любимого, но и от радости, осознания того, что нашел ту единственную и неповторимую личность, которая стала для другого смыслом существования в этом мире.

Таким образом, философско-эстетический дискурс со времен античности и до наших дней подчеркивает, что с появлением любви в нашей судьбе резко возрастают не только радости жизни, но еще больше – ее трагичность, трудности, боль, тревоги. Простота человеческой обыденности теперь пропадает, рождение любви усложняет индивидуальную жизнь, лишая ее обычной повседневной ясности и целостности, но в этой сложности обретается глубина и значение любви в мире и судьбе каждой личности.

Литература

1. Барт Р. Фрагменты мови закоханого / Ролан Барт / Пер. з франц. – Львів: Незалежний культурологічний журнал «І», 2006. – С. 155
2. Василев К. Любовь / Пер. с болг. и общ. ред. Л. А. Богданович. - 2-е изд. – Москва: Прогресс, 1982. – С. 358.
3. Зубец О.П. Любовь в зеркале морали / О.П. Зубец / Размышления о любви (любовь как нравственное явление). – М.: Знание, 1989. – С. 6.
4. Любимова Т.Б. Трагическое / Т.Б. Любимова / Новейшая философская энциклопедия. В. 4 тт. Т.3. – М.: Мысль, 2001. – С.85.
5. Малахов В.А. Уязвимость любви / В.А. Малахов / Вопросы философии. – 2002 - № 11 – С. 232.

6. Розанов В.В. Опавшие листья / Василий Розанов / Мир и эрос. Антология философских текстов о любви. – М.: Политиздат, 1991. – С. 306.
7. Ружмон Д. де. Любов і західна культура. – Львів: Свічадо, 2004. – С.5
8. Тиллих П. Любовь, сила и справедливость / П. Тилих / Трактаты о любви. Сб. текстов. – М.: ИФ РАН, 1994. – С. 151.
9. Шиллер Ф. О трагическом искусстве / Собрание сочинений Шиллера, в переводе русских писателей : С ист.-лит. коммент., эстампами и рис. в тексте. В 4-х тт. Т.4. / Под ред. С. А. Венгерова. – Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1902. – С. 272 – 273.
10. Эпштейн М.Н. Четыре слагаемых любви / Михаил Эпштейн // Человек – 2000 – № 2 – С. 96.

Слова благодарности

Спасибо сердечное дорогим и близким мне людям, которые вдохновили на написание этого скромного труда!